

Иллюзия бессмертия

ПРОЛОГ

Снег пушистыми лапчатыми хлопьями тихо кружил в морозном мгlistом воздухе. Устилал девственно чистым ковром тёмные зубцы утёсов, нависающие ломаными осколками над глубокой пропастью. Ветер зло гнал позёмку по узкой дороге, вьющейся серпантином вдоль самого обрыва, завывал раненым зверем и сбрасывал в бездонную пропасть облака искристой белой пыли.

Тяжёлые резные сани опасно занесло на крутом повороте, и из-под их полозьев с сухим скрипучим шелестом вырвался колючий фонтан снега, присоединившись к сонму летящих в белую бездну мягких снежинок. Повозка выровнялась, а потом понеслась вперёд ещё быстрее, оставляя за собой длинный шлейф мутной дымчатой взвеси.

– Тише, маленькая, – среброволосая женщина прижала к груди приглушённо попискивающий свёрток и успокаивающе коснулась его посиневшими обескровленными губами.

Убрав руку, зажимающую рану в боку, женщина бессильно перевела взгляд со своих окровавленных пальцев на багровое пятно, что неотвратимо расползлось по расшитому сложным узором карокану. Стиснув зубы, она выплела дрожащей рукой светящуюся вязь заклинаний и выбросила силовой аркан в бесшумно летящих за санями расплывчатых черных теней.

Мучнисто-белый воздух заискрился ломаными линиями сотворённой магии. Талый снег мгновенно застывающей росой упал на дорогу, и призраки с широко расправленными крыльями, сотканными из тьмы, не успели соскользнуть в сторону, когда световая вспышка проглотила их, как глубокая рыба глотка упавшую в воду муху.

Силы были на исходе. Гнать магией сани и отбиваться от бездушных слуг Морганы с каждым новым ярдом было все сложнее. Жёлтые точки плыли перед глазами раненой волшебницы, а от тошнотворного привкуса железа во рту кружилась голова. Женщина чувствовала дыхание вечности на своём лице. Оно обжигало колючими иглами её щеки, целовало губы смертельным холодом, звало тихим шёпотом ветра за грань.

Насколько её ещё хватит, прежде чем она потеряет сознание и преследующие сани тёмные псы сбросят её с малышкой в бездну? Тэлларис

понимала, что ненадолго. Она проиграла эту битву – битву за свою жизнь. За свою... но не за жизнь её ребёнка.

Девочка вновь зашевелилась в руках матери, плаксиво искривив розовые пухлые губки.

– Я люблю тебя, моё солнышко, – горькая слеза капнула на бархатистую щёчку малышки, и она, недовольно поморщившись, завертела головой, словно пыталась стряхнуть с себя холодящую кожу влагу.

Женщина поцеловала маленький, похожий на пуговку нос дочери, напоследок обласкав взглядом её кукольное личико. Как же Тэлларис хотелось остановить время и поддержать ещё немного дочь у своей груди! Там, куда она уйдёт, не останется памяти о сладком запахе молока, которым пропитано тёплое беззащитное тельце, не будет ощущения счастья от слабого давления крошечных пальчиков, игриво захватывающих в кулачки пряди её волос.

Есть ли за чертой жизни хоть какие-то воспоминания и чувства? Если да, то Тэлларис хотела запомнить именно этот миг – миг безграничной нежности и абсолютной, всепоглощающей любви, когда последний раз смотрела в глаза своего ребёнка.

Ветер ударил в затылок женщины холодным крошевом колких снежинок, которые мгновенно набились в её ставшие похожими на ледяные нити волосы. Волшебница устало откинулась на застланное меховыми шкурами сиденье и, преодолевая боль, сделала глубокий вдох. Пальцы дрожали. Сила, что обычно лилась из её источника полноводной рекой, сейчас выплёскивалась рваными толчками, как и вытекающая из раны в бок кровь. Закусив губу, Тэлларис опутала вязью магии затихшую у неё на коленях дочь, и толстая пуховая шаль, в которую был завернут ребёнок, хлопая стремительно меняющимися краями, плавно взмыла в воздух. Платок поймал тонкими ворсинками летящие с неба снежинки, выгнулся причудливой волной, а затем обернулся полярной совой: огромной, лохматой, сердито нахохлившейся от бьющего в её лицо колючего ветра.

– Араинэ оуст сан аммэ, – прошептали слабеющие губы. – Спрячь её подальше, – выдохнула волшебница.

Птица величественно кивнула головой, медленно моргнув круглыми, как плоски, глазами с чёрной горошиной зрачка. Взмахнув серобелыми крыльями, она подхватила свёрток с девочкой и, взмыв в непроглядную пелену свинцового неба, слилась с танцующим снежным вихрем, все дальше и дальше унося свою ношу от мчащихся по узкой дороге во весь опор саней.

Тэлларис до последнего смотрела, как удаляется тёмная точка созданного ею духа-фантома. Слезы тонкими ручейками бежали по щекам женщины и прозрачными льдинками замерзали на пушистом меховом воротнике.

– Живи и будь счастлива, моя девочка, – прошептала колдунья, когда завывающая голодным зверем снежная пурга скрыла за своим величественным занавесом малейшее напоминание о новорождённой дочери.

Воздух лопнул, как мыльный пузырь, выпустив из белого тумана рваные черные сгустки, но прежде чем они успели обрести форму и расправить крылья, волшебница яростно ударила в них пылающей сферой, взорвавшейся с чудовищным грохотом.

Потревоженные от векового сна горы недовольно загудели, стряхивая со своих могучих плеч неподъёмную шубу из снега. По шапкам, укрывающим вершины, пробежали кривые трещины, безжалостно испарывая полотно слежавшегося наста.

Отколовшийся пласт с низким гулом заскользил вниз, выбрасывая в воздух облака снежной пыли.

Чудовищная лавина, сметая все на своём пути, накрыла несущиеся над ущельем сани с волшебницей и безжалостно снесла их в пропасть, разбивая о серые камни, погребая под толщей холодных, как само дыхание смерти, сугробов.

Черные тени, подобно стервятникам, выискивающим падаль, бестолково носились над бездной, пытаясь найти хоть какие-то следы сгинувшей в ней волшебницы. Но снег все падал и падал, укрывая своим мертво-бледным покрывалом землю, и казалось, что этой зимней, оправленной в резьбу инея и мороза сказке нет ни конца, ни края.

Покружив над величественными утёсами, мрачные твари, хлопая сочащимися сизым туманом крыльями, полетели на запад, минуя дремучие леса и широкие долины -туда, где среди серых, угрюмых скал одиноким уродливым шипом, проколовшим острым концом небо, возвышался и вязко терялся в клубящейся вокруг него непроглядной кисее тьмы зловещий чёрный замок.

Тени просочились сквозь его толстые стены и бесшумно понеслись по длинным узким коридорам, оставляя за собой тающий в сгущающемся полумраке дымчатый шлейф. Ворвавшись оголтелой стаей в просторный каменный зал, они завертелись безудержным смерчем под его стрельчатыми сводами, свились в гудящую пыльную воронку и тонкой убывающей струйкой впитались в огромный стеклянный шар, внутри которого таинственно клубилась непроглядная мгла.

Женщина, молчаливо стоящая в центре зала, сделала мягкий скользящий шаг вперёд. Сверкающие на её идеальной груди, тонкой талии и изящных щиколотках массивные украшения из золота и драгоценных камней издали переливчатый мелодичный звук, который звенящим хрусталём рассыпался в сонной тишине, вызвав у колдуньи лёгкий самодвольный вздох.

Она была красива. Такой совершенной может быть только вышедшая из-под резца гениального скульптора мраморная статуя. Недостигаемо-прекрасная, безупречная и... бездушно-холодная.

Черные, поглощающие свет волосы непроницаемым плащом укрывали её тело, мягкими завитками стелясь по сверкающему холодным блеском полу. Тонкие кисти рук грациозно опустились на поверхность шара, и тьма внутри него всколыхнулась, вздыбилась взбесившимся ураганом, ударила лютой волной о прозрачные стены, заскользив по ним грязными, вязкими потёками, и исчезла.

Внутри шара стало светло, как днём. Секундами льдинок в песочных часах зимы падал снег, устилая величественные горы кипенным покрывалом. С вершины одной из них снежным смерчем сорвалась яростная волна, смыв в глубокую пропасть мчавшиеся по самому её краю сани.

Алые губы женщины тронула жёсткая улыбка, зловещая, как ядовитый плющ, смертельной повиликой оплетающий тонкий росток.

– Ты поставил не на ту лаитэ, Сармин, – повернувшись к мужчине, растянутому на цепях, тягуче проворковала женщина. – Но теперь у тебя есть выбор, – волосы колдуньи темной рекой заструились по воздуху, выставляя напоказ её совершенное гибкое тело, одетое лишь в загадочно мерцающие в свете горящих на стенах факелов украшения. – Я – или смерть.

Мужчина невидящим взором смотрел в пустоту стеклянного шара, туда, где белая лавина похоронила под ледяной толщей снега его жену и дочь, и в глазах цвета лесных фиалок стояли слезы, сквозь призму которых прекрасная женщина, идущая к нему навстречу, казалась уродливым монстром с вьющимися вокруг её головы змеями вместо волос.

– Все могло быть иначе, Сармин, – женщина подошла к мужчине так близко, что теперь почти касалась его своей обнажённой грудью. – Ты должен был выбрать меня, – колдунья плавно перетекла за широкую спину пленника, мягко потёршись об неё, словно большая урчащая кошка.

Сармин смежил веки, сглатывая подкатившее к горлу омерзение.

– Я сделал свой выбор, Моргана, один раз и на всю жизнь. Но будь у меня возможность выбирать сотню раз, я и в сотый раз выбрал бы не тебя, а Тэлларис.

Прекрасное женское лицо исказила гримаса ярости, и взгляд темных, почти черных глаз, стал колючим и злым.

Из стен поползли уродливые тени, заполняя все пространство вокруг, дымно шевелясь и непрестанно двигаясь.

– Вместе мы могли править миром, С-сармин, – зашипела Моргана, со свистом выпуская воздух сквозь сжатые зубы. – Вечно! А ты позарился на целомудренный взгляд и невинное личико. И где теперь твоя чистая и светлая Тэлли? Ты предал Тёмную Мать. За это и поплатился. Ты выбрал не ту лаитэ, великий одарин.

– Я выбрал любовь, Моргана, – Сармин поднял склонённую на грудь голову, устремив на колдунью пронзительный взгляд своих невероятных глаз. – Тебе не понять.

– Мы можем все исправить, – жарко зашептала в его лицо женщина, обольстительно облизала свои губы, провела рукой по напряжённому животу мужчины и, скользнув ладонью вниз между его ног, призывно выгнулась. – Я могу вернуть тебе твой тёмный дар.

Громкий смех Сармина звонким эхом ударился о стены, распугав застывшие по кругу тени.

– У меня не встанет на тебя, Моргана, – окатив колдунью взглядом, полным презрения, насмешливо бросил он.

– Ты пожалеешь, одарин, – женщина вцепилась острыми ногтями в его красивое лицо, оставляя на смуглой щеке кровавые борозды царапин.

– Я жалею лишь об одном, – горько проронил Сармин, тоскливо вглядываясь в кружащийся в стеклянном шаре снег. – Что не ушёл за грань Небесного Чертога вместе с ними.

– В кого ты превратился, великий одарин? Первый страж Темных Врат* мечтает о смерти!? Бессмертный?! Хотя... Теперь уже бывший... – ядовито добавила Моргана.

– Это иллюзия, лаитэ, – криво усмехнулся, мужчина. – Иллюзия бессмертия.

– Посмотри на меня! – черные волосы колдуньи зашевелились гибкими лианами, свились в тугие косы, улеглись вокруг точёного лица причудливой короной. – Это, по-твоему, иллюзия? – женщина томно обласкала ладонями свою грудь, провокационно обвела пальцами тёмные ареолы сосков, скользнула по упругим округлым бёдрам и бесстыдно раздвинула ноги, выставляя напоказ нежную плоть. – Я прекрасна. Моё тело совершенно, и так будет вечно, одарин. Я бессмертна!

– Ты тлен, лаитэ! Бессмертна лишь твоя душа – душа, которую ты отдала Темной Матери за безупречное лицо и обольстительное тело, но твоё тело осыплется прахом, как только Тёмная Мать найдёт себе новую хранительницу.

– Не найдёт, – загадочно шепнула Моргана, медленно слизывая кончиком языка тёмные капли крови со щеки одарина. – И ты мне можешь. Ты дашь мне ту, чьё тело, возложенное на жертвенный алтарь Двумиких, вернёт мне мою душу и вознесёт над всеми. Я стану сумеречной богиней! Всесильной! Вместителищем света и тьмы. Я буду править этим глупым миром! Вечно!

– Ты убила мою дочь, – стиснул зубы Сармин. – Кого ты собираешься возложить на весы вечности? Ты убила хранительницу света. Где возьмёшь другую для ритуала?

Моргана, притворно вздохнув, прижалась щекой к груди одарина, вспоров на ней коготком кожу.

– Свет однажды выберет себе новую хранительницу, – размазывая пальцем по груди Сармина его собственную кровь, промурлыкала колдунья. – Такую же чистую и невинную, как твоя Тэлларис. И такую же глупую, – гадливо добавила она. – Мир полон наивных дурочек, готовых пожертвовать собой ради добра и света. Я подожду. А дочь... Я подарю тебе другую, одарин, – женщина, стремительно обхватив мужчину за шею, впиалась в его губы долгим поцелуем.

– Ты так же глупа, как и красива, Моргана, – плюнул в её лицо Сармин. – Ты не поняла? Ты мне противна.

Женщина демонически улыбнулась, вытерлась тыльной стороной ладони и, раскинув в стороны руки, быстро зашевелила пальцами, выплетая чёрную сеть заклинаний, как затаившаяся в центре раскинутой паутины паучиха.

Рваные тени, безмолвно висевшие в воздухе, стремительно закружили по залу, наполняя его шорохами и сгущающейся тьмой.

Сармин яростно дёрнулся на удерживающих его цепях, жилы на мощной шее и руках натянулись, по лицу пошла синяя сетка вен, и толстые кованые звенья с жалобным скрежетом стали расходиться, поддаваясь его нечеловеческой силе.

– Держите его! – крикнула Моргана, вздымая вокруг себя ураган беспросветной тьмы.

Безликие слуги колдуньи голодной сворой набросились на пленённого мага, впиваясь дымными жгутами и верёвками в его руки и ноги.

– Саммэ руатэ ост ин аххарэ, – нараспев выкрикивала слова заклинания Моргана, и тьма кружила вокруг неё погребальным саваном, лизала

жадными языками её белое тело, танцевала черным пламенем у её ног. – Ты мой, одарин! – рисуя когтями на вздувшейся от напряжения груди Сармина кровавые руны, шептала колдунья. – Мой!

– Я никогда не буду тебе принадлежать, – отчаянно сопротивляясь, прорычал мужчина. – Ни тебе, ни той, кому ты служишь! Я добровольно отдал сердце и душу другой!

Колдунья разъярённо ударила в него тьмой, и алые царапины на коже Сармина стали пузыриться черными сгустками, вязкими и липкими, как расплавленная смола.

– Мой, – дико хохотала колдунья, глядя на то, как тьма впитывается в сильное тело мужчины, пожирая его изнутри. – Мой, – победно выдохнула она, когда ярко-фиолетовые глаза одарина затянул непроглядный мрак, превратив в два черных омута.

Расстегнув пояс брюк застывшего холодной статуей мага, Моргана спустила их вниз и вожделенно прошлась ладонями по гладкой, упругой коже его живота, обрисовав кончиками пальцев чёткий рельеф мышц.

– А ты говорил – не встанет, – довольно усмехнулась колдунья, накрывая ладонью пах мужчины и чувствуя, как, твердея, наливается в её руке его горячая плоть. – Мне не нужны твои чувства, Сармин, – заглянув в ставшие совершенно пустыми и безжизненными глаза, прошептала она. – Мне достаточно твоего тела. А твоё тело так легко заставить сделать то, что мне нужно. Думаешь, после всего я дам тебе уйти за грань к своей Тэлли? – простонала Моргана, обхватив его руками и ногами, насаживаясь на вздыбленное мужское достоинство. – Нет! – выкрикивала в бесстрастное лицо одарина женщина, впадая в экстаз и пускаясь в исступлённую скачку на его бёдрах. – Не-ет.

Она хрипела, извивалась змеёй, тёрлась влажной, отяжелевшей от желания грудью о его неподвижное тело, но не находила в затягивающей бездне глаз одарина ни малейшего отклика на свою дикую, извращённую страсть – лишь безразличную пустоту и топкую черноту.

На лице его не дрогнул ни один мускул, когда в момент разрядки женщина, откинув назад голову, надсадно закричала, выгибаясь дугой, а потом, цепляясь за него, как за спасительный канат в бушующем вокруг море тьмы, жадно целовала жёстко сомкнутые губы.

– Плевать, – Моргана тяжело сползла на пол, глядя снизу вверх на своего безмолвного любовника. – Я получила, что хотела. А ты... Ты будешь служить мне вечно, мой верный пёс.

Тело мужчины подёрнулось марью, судорожно изогнулось и стало иставивать, осыпаясь черным песком в раскрытые ладони жестокой волшеб-

бницы, а она безудержно хохотала, разбрасывая по сторонам иссохший прах, зависающий в воздухе мутной взвесью.

Пылинки сползли в густую рваную тень, и та, взмахнув крыльями, понеслась по кругу вместе со стаей таких же верных Моргане темных псов.

****

Морозный воздух распушил длинную белую шерсть щенка рохра, бегущего во весь опор по зимнему лесу. Под толстыми, неуклюжими лапами громко и весело похрустывал снежный наст, и малыш, запрокидывая голову к небу, весело ловил открытой пастью летящие на землю снежинки. Холодные белые точки таяли на его синем языке, оседали прозрачной росой на чёрном блестящем носу. Маленький рохр игриво подпрыгивал, смешно тряс лохматой мордой, сбрасывая с себя снежинки, набившиеся в его густой мех, и повизгивал от удовольствия.

Тишину леса внезапно огласил непонятный, незнакомый звук, и щенок напряжённо замер, наострив свои длинные, ещё плохо стоящие уши. Так не кричал филин, не ухала неясить, не выл матёрый волк, предупреждая самку о своём возвращении. Это был одинокий, пронзительный плач – жалобный и надрывный. Щенок пытливо вытянул морду и, уловив чужой, незнакомый запах, посеменял вперёд, удерживая нос по ветру.

Такого странного существа юный рохр ещё никогда не видел. Что-то большое и пушистое лежало на снегу, и щенок никак не мог понять, где у этого чудного обитателя леса голова, а где лапы и хвост. Это был сплошной шевелящийся комок, который издавал высокие писклявые звуки, ужасно неприятные острому звериному слуху. Щенок несмело двинулся на полусогнутых дрожащих лапах вперёд, с любопытством разглядывая свою необычную находку. Опасливо нарежая вокруг неё круги, он жадно втягивал ноздрями удивительно вкусный и знакомый запах. Лохматое чудо-юдо пахло мамой, молоком, и маленьким, недавно родившимся братиком Кином, что ещё больше сбивало зверя с толку.

Осмелев, он подобрался к добыче ближе, резко ткнувшись мордой в мягкую ворсистую шкуру. Тонкие волоски нестерпимо защекотали нос, рохр громко чихнул и, не устояв на лапах, завалился лохматым задом на снег.

Существо беспокойно зашевелилось, издало громкий булькающий звук, а за ним и совсем странное:

– Гы-ыу.

Склонив голову на бок, щенок придирчиво разглядывал копошащийся клубок, а потом легонько ударил его лапой, проверяя реакцию. Пушистое недоразумение на секунду замерло, и вдруг зашлось истошным воплем, от которого у рохра шерсть встала дыбом. Испуганно заметавшись из стороны в сторону, щенок рычал и тявкал, думая, что его грозный звериный рык отпугнёт орущего незнакомца, но тот даже с места не сдвинулся, лишь стал дёргаться ещё сильнее да орать так громко, что у рохра заболели уши. Свирепея, малыш сделал резкий выпад, захватив острыми зубами шкуру раздражающего его существа, и она неожиданно потянулась по снегу, превращаясь в лохматую, неживую тряпку, под которой, суча ручками и ножками, обнаружился плачущий младенец. Щенок удивлённо раскрыл пасть, замороженно разглядывая лежащего на снегу ребёнка.

Он был совсем крошечным. Даже у новорождённого Кина руки и голова были больше, чем у этого невесть откуда взявшегося человечка. Как он здесь оказался? Рохр опасливо сделал шаг вперёд, заглянув в заплаканное сморщенное личико.

Красные, как ягоды земляники, губы внезапно растянулись, обнажая беззубый розовый рот, и на пухлых нежных щёчках появились две маленькие ямочки. Никогда в жизни рохру не доводилось видеть глаз такого необычного цвета: ярко-фиолетовые, они казались лепестками лесных фиалок, каким-то невозможным чудом расцветших на снегу. Щенок наклонился к ребёнку ближе, жадно вдыхая его тёплый сладкий запах, и маленькие пухлые ручки, внезапно схватив рохра за нос, цепко сдавили самый его кончик.

Обиженно заскулив, малыш отскочил в сторону, а лишившийся живой игрушки ребёнок вновь жалобно заплакал, нарушая своим горестным надрывным плачем священную тишину древнего леса.

– Доммэ, что здесь происходит? – звук маминого голоса мгновенно прогнал поселившийся в сердце рохра страх, и он, стремительно обернувшись в кувырке человеком, быстро побежал ей навстречу.

– Мама, – дрожащим от волнения голосом запричитал мальчик. – Я думал, это зверь, а там человек... Маленький совсем, как наш Кин.

Ласково поцеловав сына в макушку, женщина отодвинула его за спину и, приподняв полы белоснежной шубы, величественно прошествовала вперёд.

– Духи белых псов... – ошеломлённо прошептала она, наклоняясь над лежащей на снегу девочкой.

Подхватив ребёнка на руки, женщина быстро расстегнула свою шубу, укутывая малышку в тёплый мех.

– Одр! – пронзительно громко закричала она. – Сюда! Ко мне, скорее!

Спустя секунду на поляну выскочил громадный белый зверь, утробно рычащий и грозно скалящий тяжёлую зубастую пасть. Оттолкнувшись от снега мощными когтистыми лапами, снежный пёс на секунду словно завис в воздухе, чтобы в полете обернуться высоким широкоплечим мужчиной, уверенно приземлившимся рядом с позвавшей его женщиной.

– Ты напугала меня, – хрипло выдохнул оборотень, притягивая к себе жену и легко касаясь губами её лба. – Что случилось, Арви?

– Дорогой, посмотри, кого нашёл наш Доммэ, – женщина отогнула край одежды, показывая крошечное детское личико. – Это девочка, – расплываясь в улыбке, нежно прошептала Арви.

– Как она здесь оказалась? – мужчина резко обернулся, втягивая носом воздух и зорко всматриваясь в снег. – Никаких посторонних следов, – задумчиво заметил он. – Словно с неба свалилась.

– Смотри, – женщина взяла в ладонь круглый медальон, висящий на шее девочки, привлекая к нему внимание мужа.

– Светлая хранительница, – потрясённо выдохнул Одр. – Быть этого не может!

– Одр, предсказание сбывается, – горячечно зашептала женщина. – Та, что поведёт за собой армию света...

– Тише, – муж быстро закрыл рукой рот Арви, тревожно оглядываясь по сторонам. – Никто не должен знать. Её надо спрятать. Вот только куда?

– Все просто, дорогой, – сверкнула ореховыми глазами женщина. – Хочешь спрятать – не прячь вовсе.

– Я тебя не понимаю, родная, – заломил бровь мужчина.

– Ты должен будешь предъявить стае новорождённое потомство через три дня. Никто не знает, что у меня родился один ребёнок, а не два. У короля снежных рохров появится ещё и дочь, а у Кина и Доммэ – сестричка, – Арви поцеловала бархатистую щёчку малышки, нежно проворковав: – Моя сладкая девочка. Моя принцесса.

– Мама, – маленький Доммэ дёрнул мать за полу шубы, привстав на цыпочки, – так это моя сестричка?

Женщина присела на корточки, обняв свободной рукой сына.

– Да, сынок, это твоя сестричка. Нам её подарили духи белых псов. Нравится?

– Она такая маленькая, – зачарованно глядя в сияющие фиалковые глаза, пробормотал Доммэ. – А как мы её назовём?

Женщина загадочно усмехнулась, осторожно погладив пальцами тёмные волосики девочки.

– Вайолет. Как тебе такое имя, сынок?

– Фиалка? – свёл тонкие светлые бровки мальчишка. – У неё глаза похожи на фиалки. Мне нравится, – Доммэ наклонился к девочке, поцеловав её в маленький нос, и быстро зашептал: – Я твой брат, Вайолет. Ты только больше не плачь и за нос меня не щипай, а то больно, – добродушно пожаловался он.

Девочка невразумительно булькнула и выдохнула в лицо мальчика тихое и тёплое:

– Аку.

– Мама, ты слышала? – захлебнулся в восторженном возгласе Доммэ. – Она мне сказала «хорошо», – мальчик смотрел на крошечное создание, уютно устроившееся в руках матери, и в груди его ширилось что-то необъятно-огромное, то, что невозможно было описать словами и чему, в силу своего нежного возраста, маленький рохр не находил названия. Доммэ знал только одно: с этого момента маленькая девочка с глазами цвета лесных фиалок навечно поселилась в горячем сердце оборотня.

ГЛАВА 1

Двадцать лет спустя...

Вайолет сидела на теплом крыльце ладной бревенчатой избушки Урсулы, вот уже добрую четверть часа созерцая лесную ведьму, стоящую на камне стихий. Старуха, раскинув в стороны руки, быстро шевелила крючковатыми пальцами, словно дёргала ими за невидимые верёвочки. Ветер трепал её платье-балахон, сшитый из длинных лент, и свободные концы тонких полос плыли по воздуху разноцветными струящимися ручейками, обнажая босые костлявые ноги. Женщина смешно дёрнула носом, словно собака, унюхавшая еду, после чего лениво приоткрыла один глаз, недовольно царапнув Вайолет взглядом.

– Опять от братьев сбежала да следы по всему лесу набросала?

Тёмные брови девушки сердито сошлись на переносице, и с ярких, как ягоды малины, губ сорвалось лишь одно слово:

– Далеко?

С
Н
Е
Ж
Н
А
Я

Д
А
Л
Е
К
А
Н
А
Р
А

Старуха перестала изображать фигурку богини ветра Свираги, воинственно поставив руки в боки.

– Поутрость по кустам поблужают да, глядишь, к обестине сюда всей стаей и заявятся. Мне свары с твоим батюшкой ни к чему. Да и дух псины потом к осьмице из избы не выветришь. Сколько тебя учу запах хоронить, а ты, как рохр, по кочкам плутаешь да зверье зазря гоняешь.

– Я и есть рохр, – упрямо встряхнув головой, заметила девушка.

– Чтой-то я клыков да хвоста у тебя, милая, не наблюдаю, – насмешливо прокаркала Урсула, сложив руки на своей тощей груди. Ветер играючи поднял вверх серебристые космы ведьмы, шаловливо бросил их в морщинистое лицо, вздыбил спутанными клубами.

– Подь прочь, баловник, – шлёпнула ладонью невидимый глазу поток старуха, и он, обижено засвистев, помчался к крыльцу, чтобы, злобно погремев висящими на нем серебряными бубенцами, исчезнуть в кронах старых грабов, со всех сторон окружающих избушку.

– Отыграется ведь в гэйлет*, засыплет твою избушку снегом по самый дымоход, – рассмеялась Вайолет.

– А кто ж его тогда ароматом пирогов кормить будет да вечерки петь? – недоуменно фыркнула Урсула, шустро слезая с камня.

Вайолет мягко улыбнулась. Это правда – любил ветер старуху, и когда всю округу по пояс заметало снегом, домик Урсулы весенней прогалиной упрямо красовался посреди леса, лишь добавляя весу устрашающей репутации ведьмы. Дорожки, ведущие к маленькой избушке, всегда оставались нетронутыми, а когда Урсула пекла пироги, то завывающий ветер становился смирным, как котёнок, бубликом скручивался вокруг её дымохода – довольно урчал и сыто сопел, облизывая холодным языком запах свежей сдобы.

– Полезай на Рамха-камень, – проворчала Урсула, поднимая с земли свой увешанный оберегами резной посох.

Стянув мягкие сапожки, Вайолет ловко запрыгнула на белый валун, зябко поджав пальцы на босых ногах.

– Холодный, – смущённо пожаловалась девушка.

– Холодный... – ворчливо потянула ведьма. – Холодный оттого, что ты линии силы не ловишь, а они повсюду. Поймай в ладошку да пей то, что тебе дают по доброй воле. Это тёмные берут без спросу, выбирают до дна, а опосля прахом осыпают. А ты светлая!

– И толку мне с того, – раскинула руки Вайолет, поймав один из девяти потоков силы жизни. Камень под ногами нагрелся, и животворящее тепло упругой волной полилось от щиколоток к позвонкам девушки. –

Двадцатое лето пошло, а оборота все нет и нет. Что ж я за ущербная такая?

– Зачем тебе лохматая шкура рохра, коли спариваются они всегда в человеческом облике? – прищурилась ведьма, и пронзительно синие глаза заискрились откровенной насмешкой.

– Почему ты такая грубая? – покраснела до кончиков ушей Вайолет.

– Я просто слишком старая, чтобы молвить целомудренные да витиеватые речи, облачая голую правду в красивую одежду. Все твои метания из-за того, что хочешь понравиться какому-то оборотню! А ему, поверь мне, детка, абсолютно все равно, будут ли у тебя шерсть и клыки – главное, чтобы между ног было то, чему полагается быть у женщины. Ну, а с этим у тебя, хвала покровителям Небесных Чертогов, все в порядке. И кто на этот раз? Зорах? Рин?

– Ты невозможная! – спрыгнула с камня девушка, обхватив ладонями пылающие щеки. Споро натянув на себя сапоги, она сердито тряхнула копной смоляных волос, быстрым шагом направляясь в самую гущу шумящего гомоном птиц леса.

– Беги-беги, – Урсула ехидно усмехнулась вслед исчезающей в зарослях бересклета Вайолет. – Быстрее дурь из головы выветришь. Ишь, чего удумала! Лапы да хвост ей подавай! Блохастых волшебниц мне ещё только до полного счастья не хватало, – презрительно фыркнула ведьма. – Тьфу, пакость какая. Ну-кась, свистун, – вскинув голову, старуха острым пронизывающим взглядом зыркнула в сторону шумящих серебристым переливом над избушкой крон, – отправляйся за этой дурёхой да проследи, чтоб благополучно домой вернулась.

Ветер, радостно ухнув, стремительно слетел вниз, закружив у ног колдуньи весёлым коловоротом, ласково поиграл с пёстрыми лентами её платья и, распугав летающих над подворьем мошек, помчался в зелёную чащу – догонять строптивую ученицу Урсулы.

ГЛАВА 2

Вайолет, выломав длинный прут орешника, неслась сквозь кусты и деревья, стегая тонкой лозой все, что попадалось ей под руку. Урсула специально её злила. Знала, как мучается и страдает девушка из-за того, что время её оборота никак не приходит, и на все её просьбы о помощи отвечала лишь едкой насмешкой. Уж на какие ухищрения ни шла Вайолет, как ни просила ведьму заговорить покровительницу луны, сребро-

ликую Дидалию, но старуха неуклонно отвечала, что небесным заступникам видней, и, стало быть, время Вайолет ещё не пришло.

Не знала ведьма только одного: горячее желание девушки получить на полную луну звериное тело рохра продиктовано не симпатией к очередному оборотню, а её безмерной любовью к братьям.

Доммэ и Кин дали ей обещание, что не войдут в Круг Жизни до тех пор, пока Вайолет не пройдёт оборот, и если двойняшка Кин ещё как минимум четыре лета мог не выбирать себе пару, то на старшего Доммэ в Вайтфолле уже поглядывали косо. Рослый да плечистый, русоволосый наследник короля Одра упрямо игнорировал знаки внимания первых красавиц королевства снежных рохров, и на добродушное ворчание ма-тушки лишь тихо посмеивался да заговорщически подмигивал Вайолет.

С десяти лет каждую полную луну девушка с замиранием сердца ждала, что услышит наконец её сумеречный зов, но время шло, а тело Вайолет не хотело меняться. И когда принцессе исполнилось пятнадцать, в приступе отчаяния она отправилась к лесной ведьме, которая, по слухам жителей Ривердола, была с покровителями Небесных Чертогов на короткой ноге.

Урсула, поставив Вайолет на камень стихий, долго ходила кругами, что-то бормоча себе под нос, жутковато потрясая своим деревянным посохом, а потом положила в ладонь перепуганной девушки белый, испещрённый странными знаками кругляш. Брать в руки вещь, принадлежащую ведьме, было страшно до почечных колик, вот только желание стать оборотнем было сильнее страха, и когда бляшка стала светиться серебристо-белым светом, Вайолет лишь закрыла глаза, мечтая о том, чтобы все поскорее закончилось. Но к великому разочарованию девушки, как оказалось, все только начиналось.

– Слезай, – каркнула Урсула спустя мгновенье. – Завтра опять придёшь!

– Зачем? – боязливо съёжилась Вайолет.

– Сама пришла за личиной псины! Я тебя не звала. Так что ж спрашаешь теперича? Недостаточно одного раза, – устрашающе свела седые брови старуха и тукнула по земле посохом. К его черенку из земли вдруг потянулись тёмные корни, и в тот же миг посох превратился в тоненькое деревце, увешанное всевозможными оберегами и амулетами.

– Хорошо, приду, – замороженно уставилась на деревце девушка. В Ривердоле поговаривали, что Урсула и мёртвых поднимать может, но Вайолет всегда считала это пустыми слухами, а теперь, глядя на проросшую палку, больше не была так уверена в собственной правоте. Сильна была ведьма, а значит и дать могла Вайолет то, о чем она так мечтала.

– Так хвост лохматый хочешь получить, что в ведьмино логово не побишься снова прийти? – теперь старуха разглядывала девушку с откровенным интересом.

– Не побоюсь! – негоже было дочери короля рохров пасовать, пусть даже перед колдуньей. Вайолет не сомневалась, что задай подобный вопрос ведьма Доммэ или Кину, они, не задумываясь, ответили бы так же.

– Ишь ты... – с издёвкой потянула старуха. – И что ж тебя сподвигло на поступок такой отчаянный? Поди, оборотень какой глянулся?

Вайолет мигом зацепилась за слова колдуньи. Многие девушки обращались к Урсуле за зельями любовными да приворотами темными, поэтому история с несчастной любовью выглядела бы как нельзя правдоподобней.

– Глянулся, – кивнула Вайолет. – Рамх. Он сказал, если обернусь до эйлета, станет ждать три круга, а если нет, то выберет другую.

– И на что тебе сдался такой суженый, коли ждать тебя всю жизнь не готов? – Урсула презрительно хмыкнула, заломив седую бровь.

– Сдался, – упрямо настояла на своём Вайолет. – Люблю его.

– Любишь? – морщинистое лицо женщины от кривой улыбки стало похоже на трухлявый пенёк. – Ну, коли любишь – приходи завтра. Продолжим. Принцесса Вайолет.

У девушки похолодело в груди. Откуда старуха могла знать, кто она такая? На лбу ведь имя не написано. Ох, и сильна ведьма! Ох, и сильна...

– Я на заурнице* приду, – пообещала Вайолет. Только в такой час и могла выбраться она из дому, чтобы успеть вернуться обратно никем не замеченной. Узнай отец с братьями, что она ходила к Урсуле – достанется ей на орехи.

Обещание Вайолет дала опрометчиво. Просто думала, что это последний шаг, отделяющий её от заветной мечты, но на следующий день ведьма сказала прийти снова, а после этого снова – и так продолжалось целую неделю, пока не наступило полнолуние.

До рассвета Вайолет ждала, что вот-вот тело станет выгибаться и покрываться длинной шерстью, а когда поняла, что опять у неё ничего не вышло, ярясь и гневаясь, помчалась к ведьме, чтобы бросить ей в лицо горькие слова обиды.

Только старая обманщица сама ждала её. Да не просто ждала. Встречала с горящими факелами, воткнутыми в землю по кругу.

– Встань в центр, – ткнула Урсула тощим пальцем в нарисованное на земле кольцо с рунами.

Не посмела Вайолет послушаться. То ли по глупости своей вдруг бесстрашной стала, то ли до последнего надеялась, что поможет старуха.

– Огонь чувствуешь? – гаркнула ведьма, да глянула так, что мурашки толпой по коже.

– Чую, – выпалила Вайолет. Да и как не чуют, коли жар от него такой шёл, что платье скинуть хотелось да босой в росу холодную войти.

– Руну огня найдёшь в кругу стихий? – прищурилась Урсула.

Её и искать не нужно было. Среди сотен знаков, нарисованных на земле, Вайолет почему-то ясно видела только один. Пылал он в глазах девушки багровой заряницей, тлел рдяным жаром. Зачем руку к руне потянула – и сама не поняла, только вспыхнула она белым светом, и факелы погасли все до единого.

– Учить тебя буду, – погремела посохом Урсула и, тихо ворча, пошла к дому. – Чего встала, дурында? В дом пошли. Чаем напою. Силы много, ума мало! Тоже мне – светлая хранительница. Рохр... Тьфу.

Так и узнала Вайолет правду о своём волшебном даре, и с тех пор, вот уже пятое лето при каждом удобном случае приходила к Урсуле. Каждый раз девушка просила помочь с оборотом, каждый раз выдумывала себе нового жениха, верила, что сжалится над ней вредная старуха. Только толку от этого по-прежнему не было никакого. Урсула оставалась непреклонной, а Вайолет втайне надеялась, что однажды, когда она всему обучится, помощь ведьмы ей и вовсе не понадобится.

****

Ветер мягким толчком ударил в спину девушки. Обернувшись, она сердито хлестнула прутом воздух:

– Чего увязался за мной? Возвращайся к Урсуле да передай – мне соглядатаи не нужны! Сама из лесу выберусь.

Баловник бросил в лицо девушки хвойным духом, спутал тёмные кудри и, юркнув вниз, шаловливо задрал подол туники.

– Ах так! – топнув ногой, Вайолет ладошкой поймала силу ветра, а другой потянулась к стихии земли. – Будешь знать, как дразниться, – мстительно связала узлом потоки она.

Упал ветер к ногам волшебницы, заскулил собакой покорной. Придавила его Мать-Земля силищей своей неизмеримой, скользким полозом по траве пустила.

Только не в характере Вайолет было долго сердиться на ветерок. Прочила – да и ладно, пусть знает, что не одна Урсула с ним сладить мо-

С
Н
Е
Ж
Н
А
Я

Д
А
К
С
А
Н
Д
Р
А

жет.

– Поднимайся уж, – сменив гнев на милость, вздохнула Вайолет, отпуская озорника. – Ты бы, вон, с листьями поиграл, что ли? Зачем злишь меня?

Ветер, обижено дунув девушке в ухо, тут же нырнул в кусты и, сорвав с веток паутинку, понёс её к верхушке ясеня вместе с перепуганным пауком.

– Ох, и накажу тебя однажды, – покачала головой Вайолет. – Привяжу тебя к небесной руне да заставлю до полича* вокруг самой высокой сосны крутиться. Узнаешь тогда, как мелочь бессловесную страшать!

Выбросив паучка, ветер взмыл в небесную синь, разгоняя одинокие тучки, которым его баловство уж точно никакого вреда не приносило.

Вайолет поймала в ладошку поджавшее лапки насекомое, забирая себе его страх.

– Беги, дурачок, – опустила его в высокую траву она. – Плети дальше свои сети.

Девушка уж было собралась идти дальше, как вдруг взгляд упал на странное растение. Может, в другой раз и не глянула бы вовсе, мимо прошла, потому как тонкий чёрный стебель от земли и не отличить было.

За столько лет не видала Вайолет в лесу ничего подобного. Травы собирать Урсула её тоже учила. Била по земле посохом, трясла головой своей седой, да, кряхтя, приговаривала:

– От любой хвори лекарство под ногами растёт, знай только какое от чего да пользуйся. А невежды всё колдовство в моих зельях видят! Ан нет никакого колдовства – Дерево Мира всякую травку светлой силой своей живительной питает, только знания о том не каждому дарует.

Всегда удивлялась Вайолет, считая дар колдуньи нечистым и темным, за что покровители Небесных Чертогов ведьм благословением таким одаривают? Только и тут Урсула озадачила девушку – оказывается, никогда не пила старуха силу лесную, жалела комаху сирую, деревце засохшее, жизнь превыше всего ценила. Было ведьмам волею небесных заступников подвластно видеть то, что не дано другим. И были они теми, с кем говорили Боги Вышние на одном языке: хранительницами священных знаний – ведающими матерями, целительницам и знахарками.

Вайолет присела в траву, разглядывая странную находку: тонкий чёрный стебелёк был покрыт мелкими ворсинками-иглолочками. И, наверное бы, девушка посчитала растение засохшим, если бы не заметила на стебле темной коробочки и шевеления закрученных вокруг неё усиков.

Решив, что диковинный цветок следует показать Урсуле, Вайолет протянула руку, чтобы сорвать его, но в этот момент коробочка резко распахнулась, и девушка, громко ойкнув, мгновенно отпрянула назад. Из чашечки на неё смотрел глаз. Конечно, утверждать с абсолютной уверенностью, что это был глаз, Вайолет не могла, да только ничего другого на ум не приходило, глядя на большой зрачок, плавающий в серой, похожей на студень субстанции.

Попятившись назад, девушка остановилась у края тропы, петляющей над неглубоким оврагом, собираясь призвать руну земли, чтобы почувствовать – идёт ли поток силы от загадочного растения, и тут увидела ЕГО.

Мужчина шёл по другой стороне оврага, то появляясь, то исчезая за кустами и деревьями. Пыльные сапоги; тёмные, облегающие длинные ноги брюки; дорожная куртка – все выдавало в незнакомце дальнего путника. Он не был похож на охотников из Вайтфолла, и рохром уж точно этот мужчина не был, а самым странным Вайолет показалось само направление, откуда шёл странник. В той стороне были Мареновы хребты – бескрайние снега и ледяные пропасти, суровый край, где обитали только звери дикие да горные орлы. Поговаривали, что по ту сторону ледяных отрогов находится край магии и колдовства, но правдивых подтверждений этим слухам ни у кого в Ривердоле не было, поскольку никому на памяти Вайолет не удавалось пересечь неприступные горы.

Девушка осторожно спряталась за дерево, чтобы остаться для мужчины незаметной, но при этом иметь возможность издалека следить за его перемещением, ещё толком не понимая, зачем она это делает.

В груди потревоженной птицей забилось сердце. Так странно Вайолет ещё никогда себя не ощущала. Скользким холодком по спине, колючей дрожью в ногах, гулко стучащим по вискам пульсом вещало пробудившееся предчувствие, что должно случиться что-то. Что-то важное или плохое... а может, это воображение играло с ней злую шутку?

Краем глаза Вайолет вдруг уловила непонятное движение на тропе за спиной незнакомца и недоуменно моргнула, внимательно разглядывая странные тёмные пятна.

Они двигались медленно и бесшумно. Так медленно, что Вайолет сразу-то и подумать не могла, что это может быть что-то живое, а не полуденные тени, скользящие по зелёным кронам деревьев. Почуяла неладное, только когда разглядела, что каждая тень отбрасывает свою тень.

То, что темными лохмотьями ползло по краю оврага, хоронясь за широкими дубами, то низко припадая к земле, то хищно взвиваясь вверх – не было ни зверем, ни птихой, и уж точно никак не безобидной тенью.

Черные, сочащиеся живой тьмой сгустки меняли форму. Вытягивались гибкими змеями, расслаивались рваным туманом, собирались в тугую шевелящийся комок и расправляли крылья, подобно огромным летучим мышам.

Смежив веки, Вайолет тряхнула головой, прогоняя морок, а когда, открыв глаза, узрела прежнюю картину – испугалась пуще прежнего. Невиданные существа не просто забрели в этот лес, чтобы, наслаждаясь его красотой, прогуляться под сенью шелестящих крон. Крадучись росмахой, прячась за кустарниками и густой листвой, они неотступно преследовали свою цель – таинственного незнакомца, уверенной поступью движущегося в Ривердол. От путника их отделяло чуть более версты, и если Вайолет все понимала правильно, то достигнут они его у Волчьей скалы, на дороге, пролегающей через глубокое ущелье.

Мужчина был безоружен, насколько могла видеть издалека девушка, а даже будь у него охотничий нож, короткий акинак или махайра, спрятанные под полами дорожной куртки, справиться в одиночку с тремя неведомыми порождениями тьмы ему было не под силу.

Окружив путника в самом узком месте, странные существа сбросят его в пропасть.

Вайолет прикинула, что если сейчас, обогнув овраг, она побежит наперерез сквозь заросли дикого барбариса, то, вывернув у змеиной горки, пожалуй, успеет опередить незнакомца и предупредить об опасности. Времени на раздумья не оставалось, и девушка лесной ланью помчалась вперёд, перепрыгивая через рытвины и кочки, больно царапая руки о ветви кустарников.

ГЛАВА 3

Переведя дыхание, она остановилась посреди широкой тропы, мучительно гадая, успела ли перегнать странного путника, либо он, миновав это место, уже направляется к ущелью?

Вайолет стремительно метнулась в проход между деревьями и едва не столкнулась с внезапно возникшим на её пути человеком. Отступив, девушка растерянно разглядывала мужчину, который вблизи оказался намного выше и мощней, чем ей показалось издали. И хоть в плечах и груди он и вполовину не был так широк, как Доммэ и Кин, вся его напряжённая, как взведённая тетива, фигура источала незримую ауру опасности и затаённой силы.

Мужчина замер, жилистые ноги напряглись, как у рохра перед прыжком, и налетевший невзвешенный ветер сбросил с его головы капюшон, открывая взору Вайолет лицо незнакомца: широкое, заросшее лёгкой щетиной, обрамлённое мягкими волнами вьющихся волос цвета конского каштана. Тёмные, как мокрая галька, глаза в упор уставились на Вайолет. Густая бровь слегка приподнялась вверх, и над породистым, с лёгкой горбинкой носом мгновенно пролегла суровая складка.

– Что тебе нужно? – от голоса мужчины Вайолет захотелось поёжиться. Низкий, рычащий, грудной – он, казалось, вырывался откуда-то из жерла пробуждающегося вулкана, а не из горла человека.

– Там, – тяжело дыша, Вайолет махнула в сторону леса рукой. – За вами гонятся. Странные черные тени.

– Сколько? – резко и как-то хищно повернулся в указанном ею направлении странный путник.

– Три, – девушке показалось, что после её ответа незнакомец заметно расслабился. – Вам нельзя по этой дороге. Они поймут вас у Волчьей скалы.

В глазах мужчины промелькнуло искреннее удивление и невысказанный вопрос. словно ждал он от Вайолет, что предложит она дальше. Так и стоял – молча, сверля девушку пронизывающим до дрожи в коленках пристальным взглядом, пока, устав играть в молчанку, она не спросила:

– Вы ведь в Ривердол направляетесь?

Склонив голову к правому плечу, загадочный шатен красноречиво повёл бровью, давая понять, что ответ утвердительный.

– Я могу провести вас другой дорогой, – предложила Вайолет. Уж зачем она это сделала и с чего вдруг прониклась участием к первому встречному, девушка и сама не поняла.

Изогнутых луком губ мужчины коснулась мимолётная улыбка, светлая, словно скользящий по осенней листве тёплый луч.

– Веди, – коротко обронил он.

Искоса поглядывая на идущего рядом незнакомца, Вайолет почти бежала, примеряясь под его шаги, в то время как он без особого труда переставлял свои длинные ноги, и казалось, что даже дыхание у него не сбилось ни на такт от быстрой ходьбы.

Надо бы было следы замести, да времени на это у Вайолет вовсе не было. Вот доберутся до сухого лога, тогда и вздохнуть можно будет спокойно. Оттуда по прямой до Ривердола рукой подать, а там и подмога придёт, случись что неладное. Зорчие, охранявшие подходы к городу, несли свою службу исправно, и мало что могло укрыться от их внимательных глаз, наблюдающих с высоты сторожевых башен.

Молила покровителей Небесных Чертогов Вайолет только об одном: чтобы дали немного времени оторваться от тех странных существ, что, прикидываясь тенями, преследовали их по пятам, и названия которым, как ни старалась девушка, придумать не могла.

За высокими дубами обнаружилась открытая просторная поляна, и незнакомец вдруг резко остановился в самом её центре. Крылья его носа затрепетали, словно учуял он запах одному ему знакомый и досадно-неприятный, потому как лицо мужчины мгновенно покривилось, а уголки чётко очерченных губ резко поползли вниз.

– Назад, – прогудел он, бесцеремонно затолкав Вайолет за свою спину.

Из-за широких стволов в освещённый солнцем круг бесшумно выплыли черные тени, в рваных силуэтах которых Вайолет теперь могла различить жуткие оскалившиеся морды.

– Небесные заступники, что это? – только и выдохнула девушка, не в силах избавиться от ползущего змеёй по спине страха.

В ладонь ей неожиданно-негаданно легло что-то холодное и тяжёлое, и Вайолет изумлённо уставилась на витой кожаный кнут, каким пастухи частенько понукали стадо, только конец его вместо простых тонких полосок заканчивался голубыми поблёскивающими кристалликами, удлинёнными и заострёнными, как наконечники стрел.

– Не подпускай их ко мне, – не поворачиваясь, не сказал, а приказал незнакомец – таким жёстким и властным в тот миг его голос показался Вайолет.

Скрученный кольцами кнут обжёг руку девушки, и Вайолет вздрогнула. Она не взялась бы утверждать, что в оружии попутчика её странного заключена тёмная сила, да только душа будто холод могильный почувствовала.

Не позволяла ей доселе Урсула касаться руны смерти. Кряхтела да каркала, словно ворон, мол, рано ещё, да и силы нет противиться волчьему лику Смерагла. Утянет за собой в тёмный чертог, и пути обратного не будет.

Страшно стало Вайолет. Да и не поняла она, чего ждал от неё незнакомец? Как хотел, чтобы теней отгоняла? Чудно... Можно ли решетом ветер поймать, или воду в разомкнутых пальцах удержать?

– К спине спиной стань, – низко прогудел мужчина. – Бей, как только двинутся. Не жди, когда нападут.

Хлыст после его слов вдруг раскрутился сам собою, а упавший наземь кончик издал звонкий щелкающий звук. Пальцы цепко сжались на оплетённом кнотовище, и сила из него такая полилась, что не будь девушка

натаскана Урсолой держать удар – упала бы на колени, задохнувшись от чудовищной боли.

Глаза уловили смазанное движение, и прежде чем Вайолет успела о чём-либо подумать, рука её выбросила вперёд кнут, а вместе с ним и вложенную в удар лютую ярость, волной плеснувшую из каждой частички её тела.

Гибкая плеть со свистом зазмеилась в воздухе, прорезав его, словно молния небосвод. Наконечник впился в зависшую над землёй тёмную страхолюдину, и, резко потянув кнут обратно, Вайолет рассекла тень пополам.

В ту же секунду незнакомец метнул рукой серебристый диск. Раздался треск, как от удара молнии в сухое дерево. Воздух подёрнулся серыми сумерками, а затем возникшая из ниоткуда дыра в пространстве с глухим хлопком поглотила тени, не оставив и следов того, что мгновение назад творилось на поляне.

Словно замороженная, Вайолет стояла в лучах заливающего лес теплом солнца, растерянно оглядываясь по сторонам.

Быль иль небыль?

Уж не приснились ли ей и существа неведомые, и опасность затаившаяся, и путник черноглазый – странный и загадочный?

Испуганно развернувшись, Вайолет уткнулась взглядом в тёмное sukно его куртки. Крепкая рука решительно вытащила из ладошки девушки хлыст, и, заткнув его себе за пояс, мужчина бесцеремонно прихватил Вайолет за подбородок, вынуждая смотреть на себя в упор.

Немного шершавый палец незнакомца вдруг коснулся губ Вайолет, мягко надавив подушечкой, очертил их контур, и лицо его наклонилось к лицу девушки так близко, что стало расплываться, теряя чёткость.

– Надо же, – сипло пробормотал он, неотрывно глядя в её глаза. – И правда фиолетовые. Думал, показалось. Как зовут тебя, лесная фиалка?

Дикий рёв внезапно огласил тишину леса подобно раскату грома. Врезавшийся в незнакомца на полном ходу белый рохр повалил его наземь, а затем, придавив огромными лапами плечи, злобно зарычал, оскалив полную острых, как ножи, зубов пасть.

– Доммэ, нет! – закричала Вайолет, видя, как ошетинился брат, собираясь впиться клыками мужчине в горло. – Не трогай его! Он не сделал мне ничего дурного!

Пространство поляны стремительно стало заполняться бесшумно выскальзывающими из-за деревьев псами, и вот уже целая стая, утробно рыча, враждебно смотрела на лежащего на земле незнакомца.

– Доммэ, прошу тебя! – Вайолет сделала шаг вперёд, осторожно касаясь рукой вздыбленной шерсти на спине брата. – Он заблудился. Я всего лишь показывала ему дорогу в Ривердол.

Рохр с тихим рыком отступил, убирая с незнакомца свои огромные когтистые лапы. В жёлтых звериных глазах полыхнуло недоброе пламя. Повернувшись к Вайолет, оборотень длинно втянул носом воздух, а потом яростно зарычал, вспоров когтями устилающий землю дёрн.

Знала Вайолет, почему Доммэ злится – унюхал на ней чужой запах, вот и бесновалась его звериная сущность. Не позволяли братья чужакам к сестре прикасаться.

– Доммэ, не здесь, – умоляюще посмотрела в глаза рохра Вайолет. Почувствовала, что сейчас брат обернётся, и тогда скандала не миновать. Больше всего не хотела девушка, чтобы собравшаяся вокруг стая слушала её оправдания. – Вернёмся домой, там и поговорим.

Рохр, обнажив клыки, предупреждающе рявкнул в сторону приподнявшегося на локтях и спокойно наблюдающего за происходящим мужчины, а затем резко опустился наземь у ног Вайолет. Усевшись на его спину, она крепко вцепилась руками в лохматый загривок, сдавив ногами мощные бока зверя.

– Вам туда, – шепнула девушка сероглазому незнакомцу, указав рукой направление.

Доммэ рывком вскочил на лапы, и в один прыжок вылетел с поляны, увлекая за собой белую лохматую стаю.

Мужчина ещё долго смотрел в ту сторону, куда умчались снежные псы с его очаровательной проводницей, а затем медленно поднялся с земли, стряхивая с себя налипшие на одежду травинки и листья. Темные брови недоуменной дугой взлетели вверх и губы искривились в недоверчивой ухмылке.

– Оборотень... – насмешливо покачал головой он. – Никогда бы не подумал.

Дойдя до края поляны, мужчина остановился, замер на какое-то мгновение истуканом, будто впал в транс, а затем, резко сменив направление, двинулся к зарослям багульника, хмуро глядя себе под ноги. У раскидистой липы он слегка наклонился и, стремительно подняв ногу, ударил каблуком сапога по чёрной, ещё не раскрытой коробочке неприметного в траве, на первый взгляд, растения.

Раскинув в стороны руки, путник закрыл глаза, и по небу тенью побежали стаи серых туч. Холодный порывистый ветер пригнул траву, зашумел сердитым шёпотом в зелёной листве. Земля содрогнулась, прорезалась извилинами кривых трещин – и потянулись со всех сторон в ла-

дони мужчины ползучими змеями тёмные ростки с дивными бутонами. Сжав в кулаках шевелящиеся стебли, он яростно дёрнул их, вырывая с корнем. Странные цветы мгновенно скрючились и осыпались прахом к его ногам, припылив тёмные сапоги ещё одним слоем грязи.

– Нехорошо подглядывать, Моргана, – холодно усмехнулся мужчина.

Зорко оглядевшись по сторонам, он равнодушным взглядом мазнул по иссохшим от его силы деревьям и траве, а затем, набросив на голову капюшон, не оглядываясь, пошагал в ту сторону, что указала ему незнакомка с глазами цвета лесных фиалок.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

www.snezhnaya-aleksandra.ru

С
Н
е
Ж
н
а
я

А
л
е
к
с
а
н
д
р
а